

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СССР
Institute for the Study of the History and Institutions of the USSR
Institut für Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR
Institut pour l'étude de l'histoire et de la culture de l'URSS

Б. МИКОРСКИЙ

бывший научный сотрудник Украинской Академии Наук

***Разрушение
культурно-исторических
памятников в Киеве
в 1934 — 1936 годах***

М ю н х е н
1 9 5 1

Все права сохраняются.
Alle Rechte vorbehalten.
Deutschland, München 37, Schließfach 5.

Institute for the Study of the History and Institutions of the USSR

B. Mikorski

The DESTRUCTION of CULTURAL and ART MEMORIALS
in Kiev in the years 1934-36

Institut für Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR

B. Mikorski

Die ZERSTÖRUNG der KULTUR- und KUNSTDENKMÄLER
in Kiev in den Jahren 1934-36

Institut pour l'étude de l'histoire et de la culture de l'URSS

B. Mikorski

La DESTRUCTION de MONUMENTS CULTURELS et HISTORIQUES
à Kiev en 1934-36

München
1951

Разрушение культурно-исторических памятников в Киеве в 1934-1936 годах.

В 1934 - 1936 г. г., в связи с перенесением столицы УССР из Харькова в Киев и вследствие запланированной и начатой, соответственно этому, реконструкции нового государственно - политического центра Советской Украины, большевиками были разрушены многочисленные киевские памятники культуры, из которых в первую очередь должен быть упомянут ряд храмов княжеской и гетманской эпох.

Слухи о переводе столицы распространились в Киеве ранней весной 1934 года. Населению это казалось невероятным: в январе предыдущего 1933 года в Германии пришел к власти Гитлер, и угроза войны, о которой большевики постоянно твердили в течение многих лет, приобретала осязательные формы. Тем самым было бы абсурдом, по мнению населения, перемещать советский правительственный центр Украины ближе к западным границам. Однако это было так, и решение о переводе столицы УССР было принято в Кремле, надо полагать, вскоре после избирательной победы немецкой национал-социалистической партии. Этим мероприятием Кремль хотел продемонстрировать перед возможным агрессором свое бесстрашие и уверенность в своих силах. Согласно ходячим формулам, противнику не предполагалось отдавать ни одной пяди собственной земли и бить его на его же территории.

Слухи о переводе столицы в Киев нашли вскоре свое подтверждение в сенсационном опубликовании соответствующего правительственного постановления, и приблизительно в начале лета 1934 года марионеточное правительство УССР с большой помпой прибыло в Киев, который едва успел оправиться в психологическом отношении после пережитых в предыдущем 1933 г. кошмаров голода, когда на тротуарах тех самых улиц, по которым проезжало теперь правительство, валялись и умирали прибредшие из сел ужасные призраки людей.

План реконструкции Киева, как столичного центра УССР, был разработан также в Москве. О предстоящем большом строительстве стало известно в Киеве в конце 1933 года, следовательно, еще до вынесения формального постановления о переезде советского правительства из Харькова. Председателем правительственной комиссии по реконструкции был назначен член украинского советского правительства — нарком внутренних дел В. Балицкий.

По первичному проекту предполагалось создать новый правительственный центр на Печерске. Жертвой этого проекта пал Николаевский собор, который украинское население называло „Великим Миколою“,—монументальный импозантный барочный храм, построенный в 1690-1693 г. г. архитектором И. Старцевым на средства мецената украинской культуры—гетмана И. Мазепы. На нижнем фронте собора можно было видеть изображение великого князя Владимира в казацком кунтуше.

Одновременно с собором была разрушена и бывшая монастырская трапезная, красивое сооружение не столько церковного, сколько гражданского барокко (памятников украинского гражданского барокко, надо здесь заметить, сохранилось вообще очень немного).

Со временем проект создания правительственного центра на Печерске отпал. Почему именно—мы сказать не можем, ибо не располагаем соответствующими данными. На месте величественного и строгого храма была впоследствии построена низкая и неказистая деревообделочная фабрика военного назначения.

Согласно новому варианту проекта, здания для центральных правительственных и партийных учреждений должны были быть построены на месте древнего княжеского центра Киева, включая сюда также территорию Михайловского Златоверхого монастыря (который в княжеское время стоял непосредственно за чертой города). Эти здания предполагалось соорудить на запроектированной огромной площади, для образования которой имелось в виду снести не только целые кварталы и здание так называемых присутственных мест, но и храм св. Софии, архитектурный памятник всевропейского и мирового значения. Вандализм этого замысла буквально терроризовал сознание каждого культурного киевлянина. Большевики, к счастью, отказались затем от намерения снести храм св. Софии. Мотивы этого отказа выяснит, быть может, история. Можно предполагать, что большевики осознали, что уничтожение этого широко известного памятника было бы вызовом мировой культуре и что реакция в западных государствах на этот варварский акт отрицательно отразилась бы на их репутации.

Таким образом, черная туча, нависшая над знаменитым сооружением XI века, рассеялась. Но гибель оказалась неизбежной для двух других храмов княжеской эпохи: Михайловского Златоверхого монастыря и Трехсвятительской церкви. Как раз на их месте запроектировано было построить два больших здания: Совета Народных Комиссаров УССР и Центрального Комитета КП(б)У (автором проектов был инженер Лавгбарт), а между этими цитаделями большевистской власти должен был выситься памятник Ленину.

История разрушения Михайловского монастыря весьма характерна для специфики советского режима, и на ней мы остановимся подробнее.

Но сначала—несколько слов о самой святыне. Новейшие исследователи (проф. П. Куринный и проф. Д. Айналлов) считают, что Михайловский собор построен не в начале XII столетия, а на полвека раньше, и не великим князем Михаилом, а великим князем

Изъяславом - Димитрием; поэтому в науке теперь принято называть святыню двойным именем. Своей славой монастырь был, в частности, обязан находившимся в нем древним фрескам и мозаикам, выполненным, к стати сказать, не греческими, а местными мастерами, возможно, при участии Алипия Печерского. В эпоху украинского барокко Михайловский (Димитревский) монастырь был восстановлен укреплен и расширен добавлением к трем нефам княжеских времен боковых пристроек, и всему сооружению был придан барочный характер. Нужно отдать должное дару и вкусу неизвестного зодчего XVIII века, который оформил контрфорсы, введя их в целость здания.

Монастырь и все иные сооружения на монастырской территории подлежали сносу. Фрески и мозаики предполагалось снять и поместить в Софиевском архитектурно-историческом музее*).

Это решение высших правительственных сфер вызвало более чем понятное волнение среди украинских ученых, в первую очередь, археологов и искусствоведов. Главным защитником святыни стал проф. М. Макаренко, крупный эрудит в области археологии и искусства, член всеукраинского археологического комитета при Украинской Академии Наук, в прошлом—научный сотрудник Петербургского Эрмитажа. Украинская наука, в частности, обязана проф. М. Макаренко его ценными исследованиями Спасо - Преображенского собора XI века в Чернигове. Отличаясь страстной преданностью своему делу и обладая упорным и волевым характером, проф. М. Макаренко не ограничился соответствующими представлениями на месте, но, используя свои широкие знакомства в среде специалистов Москвы и Ленинграда, приобрел в их лице новых защитников драгоценного памятника культуры, устоявшего в течение почти девяти веков в подчас весьма бурных волнах политической жизни Украины. Чтобы надлежащим образом оценить героизм борьбы, начатой проф. Макаренко, надо помнить, что со времени процесса подпольной организации „Союз Визволення України“ (1929 - 30 г. г.), „раскулачивания“ и коллективизации Украина жила в атмосфере непрекращающегося террора и что, в частности, украинская интеллигенция подвергалась систематическому гонению и репрессиям. Проф. Макаренко составил для Украинской Академии Наук (кстати сказать, разгромленной в результате процесса СВУ) большую докладную записку, копия которой была послана правительственной комиссии по реконструкции Киева. Содержание записки было известно в украинских научных кругах; она была составлена в резком поучительном тоне, переходившем в иронию. Проф. Макаренко подчеркивал, что каждый культурный народ гордился бы таким памятником, если бы он имел его у себя. Дальнейшим шагом проф. Макаренко была обширная телеграмма на имя самого Сталина, наивысшей инстанции Советского Союза, от которого, надо полагать, и исходила идея реконструкции Киева. Копии не то этой телеграммы, не то докладной записки (сейчас нам это трудно уже припомнить)

*) После разгрома в 1929—30 г. г. Украинской Автокефальной Церкви храм св. Софии был закрыт и превращен в музей-заповедник.

были посланы бесстрашным ученым в ЦК КП (б) У и лично Постышеву, игравшему в те годы роль заместителя Сталина на Украине. В результате всего последовал арест проф. Макаренко, а затем его ссылка в Казань. По сообщениям прессы,^{*)} этот благородный муж науки и самоотверженный борец против невежества и тиранического вандализма умер в ссылке в том же году и в том же месяце, когда было закончено длившееся немало времени разрушение Михайловского монастыря...

Предстоящий снос храма вызвал возбуждение также и среди археологов и искусствоведов Москвы и Ленинграда, которые со своей стороны сделали попытки повлиять на ход дела. В частности, член - корреспондент Академии Наук СССР проф. Айналов и академик архитектуры Г. Котов подали докладную записку Музейному Управлению Наркомпроса РСФСР и Академии истории материальной культуры, отстаивая необходимость пересмотра правительственного постановления в отношении Михайловского монастыря. Авторы записки утверждали, что снятие мозаик будет причиной их гибели, так как последующая реставрация и переделка лишат мозаики их исторической подлинности. Высказывая свое сомнение, что наличие этого, не такого уж большого сооружения может помешать новому строительству, проф. Айналов и акад. Котов предлагали включить храм в комплекс запроектированных новостроек, увязав его с ними.

В результате вмешательства со стороны русских ученых, состоялся обмен письмами между Ф. Коном, тогда уже членом коммунистической партии, занимавшим пост заведывающего музейным отделом Наркомпроса РСФСР, и В. Затонским, народным комиссаром просвещения УССР. Авторитетное мнение последнего, возможно, могло бы благоприятно повлиять на исход дела. Но роль, которую сыграл Затонский, не только не помогла драгоценному памятнику культуры, но ускорила его гибель.

2-го апреля 1934 г. Ф. Кон направляет в Харьков срочной и секретной (sic!) почтой письмо В. Затонскому следующего содержания:^{**)}

«Дорогой Владимир Петрович! В Москве распространился упорный слух о предстоящей ликвидации собора Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. Это вызывает большое волнение среди знатоков искусствоведов и художников, так как собор (1108 г.) со своими мозаиками является мировым памятником византийско-русского искусства (во всем мире сохранилось 6-7 памятников этого стиля); особый интерес к этому памятнику возбуждает наличие документальных сведений об участии в его мозаичных работах русских художников. Огромное значение имеют также вделанные в стены собора рельефы XI века, представляющие редчайший памятник византийско-русской мо-

^{*)} Статья «Доля українських мистців під советською Москвою» в газеті «Українське Слово», Париж, № 487 от 11. III. 1951 г.

^{**)} Это письмо, как и все прочие, цитируемые в дальнейшем, приведены в ст. проф. В. Мияковского «Як зруйновано Золотоверхого Михайла в Києві». (Журнал «Наші дні», Львов, № 10, октябрь 1943 г. .

нументальной скульптуры. Если архитектура собора с внешней стороны и подверглась значительной перестройке в XVII веке, то внутренность его находится в хорошей сохранности.

Очень прошу Вас сообщить мне, что мне следует отвечать на бесчисленные запросы по поводу судьбы этого собора, которые поступают ко мне со всех сторон.

С дружеским комприветом Ф. Кона.»

8 апреля, т.е. через шесть дней, Ф.Кон направляет спешной почтой новое письмо В. Затонскому:

«По полученным мною сведениям, проект постройки здания ЦК партии в Киеве захватывает место, на котором стоит собор бывш. Михайловского монастыря, о котором я Вам писал.

Несмотря на то, что проект уже утвержден тов. Балицким, как председателем Правительственной Строительной Комиссии, обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой о пересмотре состоявшегося решения и о разработке иного варианта постройки, который позволил бы сохранить мировой памятник искусства.»

Но бывший ассистент физики при Киевском Политехническом Институте, основатель (совместно с М. Скрипником) КП(б)У, новопеченный действительный член Украинской Академии Наук (вскоре после ее разгрома в 1929-30 г.г.) и народный комиссар просвещения В. Затонский раболепно разделяет установку высших партийных сфер и отнюдь не склонен принимать во внимание просьбы Ф. Кона. Еще до переезда своего из Харькова в Киев он создает комиссию для обследования церкви, в которую входит от Наркомпроса УССР заведывающий музейной секцией Макаревич и от ГПУ некто Письменный. В своем письме к последнему Затонский пишет (11 июня 1934 г.):

«Т. Письменный! По поводу Михайловского собора любители старья поднимают шум, будто там на стенках (частью на виду, частью в замазанном виде под слоем штукатурки) имеются картины (мозаика, фрески). Я направил в Киев нашего заведывающего Музейным отделом т. Макаревича с тем, чтобы он без шуму организовал обследование, поковырял где надо стенки и т. п.

Это придется делать с привлечением кое-кого из спецов. Заодно они должны прикинуть, каким образом производить съемку стеной живописи, которая действительно представляет художественно-историческую ценность.

Музейщики*) будут, разумеется, тянуть волюнку.

В этом деле в дальнейшем нам придется разбираться вместе с Всеволодом Аполлоновичем (Балицким.— Б. М.). Сейчас Вы примите участие в том, что поручено предварительно подработать т. Макаревичу.

*) Слово «музейщики» написано В. Затонским вместо зачеркнутого им первоначально: «всякие музейные старьевщики...»

В частности, т. Чердак может быть полезен по части подбора и характеристики подходящих ученых спецов.

Привет. В. Затонский.»

И по содержанию своему, и по тону вышеприведенное письмо представляет собой ценнейший документ советской психологической идеологии. Воистину потрясающим моментом является то, что представителю тайной политической полиции, осуществляющей террористический режим, предоставляется право авторитетного суждения в области археологии и искусства при предстоящем «ковырянии стенок». Весьма характерна и угроза Затонского по адресу ученых, названных им «любителями статьи» и «музейщиками», чье отрицательное отношение к снятию стенной живописи, очевидно, расценивается им, как саботаж, вредительство и контр-революция. Угроза эта находит форму в предложении Балицкому сотрудничества. Это тем более показательно, что Затонский, как мы знаем по свидетельским показаниям, сам побаивался ГПУ.

Единственной заботой его является ускорить снятие мозаик и фресок, так как установленные по плану сроки работ не могут, дескать, быть нарушены. 13 июня он пишет в Москву письмо президенту Академии Художеств Бродскому, настоятельно прося не задерживаться с высылкой специалистов по снятию живописи и указывая, что никакое оттягивание все равно не поможет: сооружение должно быть снесено.

В этот же день Затонский направляет письмо также Ф. Кону, отрывки из которого приводим ниже:

«Имею из Киева сведения, что уважаемые специалисты из Художественной Академии не помогают в организации снятия фресок и мозаик с Киевского Михайловского собора, а наоборот затягивают дело...

Тем временем ученые любители старья всячески добиваются, как это Вы знаете из писем, которые Вы же мне переслали, сохранения собора в целости. Поскольку Вы этим делом интересуетесь, сообщаю, что вопрос о сносе собора решен. Может идти лишь речь о снятии мозаик и фресок. Чем дольше будут канителить, тем меньше останется времени для этой сложной операции. Может кончиться тем, что придется ограничиться лишь фотосъемками. Виноваты будут сами старьевщики. Ежели этим по-прежнему интересуетесь, нажмите на Академию Художеств, разъяснив им положение дела.»*)

Ответ Ф. Кона, датированный 23-им июня, говорит о крутом повороте в его отношении к судьбе замечательного памятника культуры. Преобразившийся меньшевик пишет Затонскому, что по его настоянию заместитель директора Академии Художеств Легран обещал ему немедленно выслать в Киев специалистов по снятию фресок и мозаик. Что именно заставило Ф. Кона отказаться от дальнейшей защиты храма — мы не знаем. Не потому ли, что он

*) Наличие в этом письме наркома Затонского выражений «любители старья», «старьевщики» и «канителить» свидетельствует о том, что вульгарный тон его же послания к сотруднику ГПУ Письменному нельзя объяснить только приурочением к натуре адресата.

успел узнать, что инициатива в деле разрушения монастыря исходит не от украинско-советских властей «на месте»?

Специалисты не замедлили прибыть в Киев, снятые фрески и мозаики были помещены в Софийском музее, а две самые ценные мозаики — увезены в Москву. Сам монастырь был после этого разрушен до основания.

Снос расположенной по близости от Михайловского монастыря древней Трехсвятительской церкви был проведен, наоборот, без шума — „без канители“, по выражению наркома Затонского. Эта церковь, сравнительно небольшая по размерам, была сооружена на Ярославовом дворе в XII веке великим князем Святополком Всеволодовичем; в барочную эпоху она получила оформление, соответствующее этому времени. Западный нартекс церкви был построен на средства генерального судьи В. Кочубея, а притвор — иждивением запорожского войска.

Киев гордился тем, что в нем и в его ближайших окрестностях стояло девять храмов княжеского времени: св. София, Михайловский Златоверхий и Кирилловский монастыри, Успенская и Троицкая надворотная церкви в Лавре, Успенский собор на Подоле, церковь св. Спаса на Берестове, Трехсвятительская церковь и церковь чуда св. Михаила в Выдубецком монастыре.

В казацко-гетманский период истории Украины княжеские храмы после реставрации, перестроек и укрепления получили формы украинского барокко, представление о котором дает читателю, кроме помещенных в данном издании изображений Михайловского монастыря и Николаевского собора, также специально с этой целью приводимая фотография Успенской церкви в Киево-Печерской Лавре.

В отношении количества храмов княжеского времени второе место на Украине занимал после Киева город Чернигов с его пятью древними церквями: Спасо-Преображенским собором XI века, церковью св. Ильи (тоже XI века), Успенской церковью Елецкого монастыря (XII века), Борисоглебским собором (XII века) и церковью Параскевы-Пятницы (XII века).

Из девяти княжеских храмов Киева, кроме Михайловского (Димитриевского) монастыря и Трехсвятительской церкви, погиб еще в 1934-36 г.г. Успенский собор на Подоле, заложенный в 1131-1132 г.г. великим князем Мстиславом Владимировичем. Историк искусства и знаток Киева К. Шероцкий предполагает, что Успенский собор является упоминаемой в летописи церковью св. Богородицы Пирогщи, к которой, как говорит «Слово о полку Игореве», направился князь Игорь во время триумфальной встречи его в Киеве, после побега из половецкого плена. При церкви Успения возникло славное Киевское Братство. *)

*) Не излишне упомянуть здесь о том, что позднее, в конце 1941 г. (т. е. во время войны), погиб четвертый по счету княжеский храм Киева — Успенская церковь Киево-Печерской Лавры, главная ее святыня. Мины под церковью были заложены большевиками при их отступлении из Киева, а взорваны были мины немцами. Остается пока что невыясненным, сделали ли это немцы намеренно или их вынудила к этому невозможность удаления заложных большевиками мин.

Кроме этих трех княжеских церквей, был разрушен один небольшой реликт княжеской эпохи—так называемый памятник св. Ирины, представлявший собою остатки первоначально крестовидного в плане пилона (столба), который в числе прочих трех нес когда-то на себе купол церкви св. Ирины, построенной великим князем Ярославом Мудрым для своей супруги Ирины-Ингигерды. В середине прошлого столетия уцелевшая часть пилона была оформлена сверху, как часовня (сооружением шатрового перекрытия и небольшого купола с крестом).

Официальной мотивировкой удаления, выдвинутой Киевским Горсоветом, было то, что памятник мешает уличному движению; однако справедливость требует сказать, что пилон находился у самого края улицы, почти примыкая к тротуару. Разрушен был памятник по личному распоряжению Рыжкова, председателя Киевского Горсовета. Утвержденное Архитектурно-Планировочным Управлением предложение киевского археолога и искусствоведа проф. И. Моргилевского—срезать пилон специальными пилами и поставить в подворье св. Софии—было тем самым бесцеремонно игнорировано.

Жестокому циничному разгрому было подвергнуто украинское барокко, представленное в Киеве многочисленными храмами. Об уничтожении мазепинского Николаевского собора на Печерске речь уже была выше. Не менее чувствительной потерей является разрушение Братского монастыря (точнее, Богоявленского собора) на Подоле. Этот факт нельзя охарактеризовать иначе, как надругательство над украинской культурой и историей.

В условиях польской экспансии и гнета украинские братства, как известно, отстояли и укрепили духовную самобытность украинского народа. Киевское Братство, основанное в 1588 году, было среди них самым сильным. В члены его записалось все запорожское казачество во главе с гетманом Петром Сагайдачным. Богоявленский собор был построен в 1695 году на средства гетмана Ивана Мазепы. Строителем собора был И. Старцев, чем и объясняется архитектурная близость храма к Николаевскому собору. Под полом святыни, возле южной стены, показывалось место погребения гетмана Сагайдачного.

Барочная колокольня Братского монастыря, построенная в 1756 году славным киевским зодчим Степаном Ковниром, была также разрушена.

Братский монастырь стоял на большой площади Подола; на значительной части ее было запроектировано разбить „Парк культуры и отдыха Петровского*) района“, — два сквера, находившиеся на площади возле Торговых рядов, не удовлетворяли советских

*) В середине 20-х годов Киев посетил Г. Петровский, тогдашний председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. В ознаменование этого большого события киевские партийные власти переименовали Подол, старейшую часть города, искони так называвшуюся, в Петровский район. Население не питало симпатий к новому названию, и «Петровка», сокращенная его форма, прививалась весьма туго.

реконструкторов Киева. Для осуществления этого проекта и был разрушен знаменитый Братский монастырь (а также были снесены Торговые ряды — далеко не безинтересное в эстетическом отношении сооружение времен Николая I).

Из числа иных барочных храмов Киева погибли:

Николаевский Слупский монастырь на Печерске или „Малый Микола“—церковь оригинальной архитектуры (купол ее имитировал форму столба, точнее — столбообразной часовни, стоявшей здесь раньше; украинское слово „слуп“ означает „столб“):

Трапезная церковь Михайловского (Димитриевского) монастыря и так называемые экономические ворота в его стенах, выполненные в стиле барокко;

Ильинская церковь на Подоле с прекрасными входными воротами также в стиле барокко;

Греческий монастырь на Подоле;

церковь св. Петра и Павла, тоже на Подоле. Эта церковь была в свое время польским доминиканским костелом, готическим по архитектуре. После побед гетмана Б. Хмельницкого костел был претворен в православную церковь и отстроен в барочном стиле, точнее — получил барочный фронтон и такой же купол. Окна сохранили прежнюю, т.е. готическую, форму;

колокольня Кирилловского монастыря, быть может, самое благородное создание одаренного киевского архитектора барочной эпохи—Ив. Григоровича Барского.

Кирилловский монастырь находится на окраине Киева и стоит изолированно; никаких перепланировок здесь, насколько нам известно, не думали делать, и разрушение колокольни, этого барочного шедевра, должно расценивать, как проявление варварства в его чистом, неприкрытом той или иной формой виде. Сам монастырь с его замечательными древними фресками, сооруженный в XII веке великим князем Всеволодом Ольговичем, к счастью, был пощажён.

Из храмов ампирного стиля в эти годы, роковые для культурно-исторического облика Киева, были разрушены церкви Николая Доброго и Рождества Христова, обе на Подоле. Когда тленные останки Т. Шевченко перевозились в Канев из Петербурга, где поэт был временно похоронен, гроб был занесен в церковь Рождества, расположенную недалеко от берега Днепра... На Печерске была снесена построенная в стиле классицизма Ольгинская церковь.

Во время первой мировой войны в Киев была перевезена из Галиции деревянная церковь старинной и своеобразной архитектуры, типичной для этой части Украины. Церковь, стоявшая на одной из глухих улиц вдалеке от центра, тоже была разрушена.

Должно упомянуть здесь, что количество новейших киевских церквей, разобранных и снесенных в 1934-36 г.г., огромно. На этих жертвах столичной реконструкции Киева мы останавливаться не будем, так как это вывело бы нас за рамки настоящего очерка.

В эти же годы было разрушено несколько кладбищ Киева, из числа которых особенно прискорбной является ликвидация Аскольдовой могилы, Щекавицкого кладбища и кладбища Фроловского монастыря на Замковой горе или Киселевке, где некогда стоял замск киевского воеводы Адама Киселя.

Кладбище „Аскольдова могила“, согласно проекту, должно было быть превращено в „Парк культуры и отдыха“. Этот последний включался бы, как составная часть, в систему парков на высоком берегу Днепра, от Лавры и до Щекавицы.

Летопись говорит, что на месте, где был убит князь Аскольд (христианское имя которого было Никóлай), некто Олма соорудил церковь св. Николая. Тут же была первоначально погребена великая княгиня Ольга (впоследствии ее останки были перенесены в Десятинную церковь). Одних этих данных уже достаточно, чтобы надлежащим образом оценить с разных точек зрения это древнейшее киевское кладбище... В центре его стояла ротондальная часовня в ампи́рном стиле, которую собственно и называли Аскольдовой могилой. В подвале ротонды находилась древняя гробница, приписываемая Аскольду.

Необыкновенно живописное кладбище, утопавшее в зелени и изобиловавшее прекрасными памятниками (надо заметить, что Аскольдова могила была кладбищем киевской аристократии и богатых людей), было разгромлено по-вандальски в полном смысле этого слова. АПУ (Архитектурно-Планировочное Управление при Горсовете) разработало проект, по которому памятники должны были быть переданы родственникам покойных, а в случае их отсутствия — городскому похоронному бюро (в целом виде, для дальнейшего использования по прямому назначению). Но этот проект был отвергнут высшими органами, так как его выполнение требовало немало времени, а это было не совместимо с теми, которые „соответствовали бы нашей стране и нашей эпохе“, как торжественно выразился Затонский в упомянутом выше письме к Бродскому.

Не было случаев сохранения хотя бы отдельных памятников — в виду их художественной ценности. Обломки мрамора и изуродованные металлические решетки и кресты были сброшены к подножию горы, где их разбирало местное население. Куски камня валялись и в пространстве между Николаевским Слупским монастырем и самим кладбищем. Обломки дорогих надгробных памятников частично оказались впоследствии на одном из незакрытых кладбищ и были там использованы.

От разгрома удалось спасти только упомянутую выше ротондальную часовню. АПУ предлагало сделать на ней надстройку и превратить в музей над могилой Аскольда. Но и это предложение не было принято, и часовня была переделана на двухэтажное сооружение паркового типа; после того как, кладбище стало увеселительным садом, внизу продавались прохладительные напитки, а наверху играл оркестр.

Официально Аскольдова могила, как кладбище, была закрыта но изредка здесь хоронили в 20-х годах и даже позже. По советскому закону территория закрытых кладбищ подлежала эксплуатации по прошествии 25 лет со дня закрытия. Как видим, киевские

власти в своей реконструктивной лихорадке не посчитались даже с собственным законом.

Перенесение останков родственниками покойных могло иметь место только в единичных случаях. Мы уже упомянули, что Аскольдова могила была кладбищем аристократии и зажиточных людей, т. е. того слоя, который большевиками был уничтожен, разогнан и сослан. Тем самым во время нивелировочных работ был грубо нарушен покой костей. Да и не только костей, так как были факты погребений на кладбище вплоть до 1934 года. По распоряжению и под контролем НКВД могилы были раскопаны, а склепы—раскрыты. Целью этой операции было изъятие наличных там ценностей.

Автор этих строк имел случай говорить с людьми, которым удалось видеть раскопки могил на Щекавицком кладбище. Возле рабочих, орудовавших лопатами, стояли сотрудники НКВД с бумагой в руках, очевидно, протоколируя находимое. Нужно полагать, что без подобной операции не обошлось и на Фроловском кладбище, которое соседствовало с Щекавицким.

Попутно упомянем, что при ликвидации старинного Щекавицкого кладбища была разрушена находившаяся здесь красивая кладбищенская церковь елизаветинской эпохи.

Кроме упомянутых трех старинных кладбищ Киева, его ценнейших культурных заповедников, в 1934-36 г. г. было не менее варварски ликвидировано несколько новейших кладбищ: Кирилловское, Зверинецкое и военное (возникшее во время 1-й мировой войны и находившееся в районе между Лукьяновским и Еврейским кладбищами).

Упомянем еще о судьбе панорамы „Голгофа“, стоявшей на Владимирской горке. Павильон был разобран, а на его месте разбита детская площадка. Сама же картина, писанная масляными красками, колоссальная по размерам (авторы ее — художники Пигенгайм, Крюгер и Фрош), была брошена в сырые подвалы Музейного Городка в Лавре, где она быстро начала портиться.

В результате столичной реконструкции Киева погиб также ряд домов, представлявших собою культурно-историческую или художественную ценность. В частности, был снесен дом № 34 на Лютеранской улице, чрезвычайно интересный образец ампирического стиля, где жил известный собиратель украинской старины В. Тарнавский.

Считаем необходимым специально остановиться на раскопках, которые НКВД произвело также на территории Михайловского монастыря. После разрушения монастырской стены территория монастыря была обнесена солидным забором из вертикально поставленных досок с нашивкою на стыках, что сделало для посторонних невозможным наблюдение происходившего. Лица, побывавшие на опустевшей территории пост фактум, рассказывают, что фундамент главной церкви был нарушен и что на ее месте образовалась впадина. Так же точно был перерыт фундамент трапезной церкви, находившейся недалеко от главной, причем площадь впадины здесь была даже больше, чем площадь самой трапезной. Две ямы появились также в самом углу двора бывшей монастырской гостиницы.

Не приходится много говорить о том, каким большевистским надругательством над правами науки, в частности археологии, были эти так называемые раскопки. Более, нежели вероятно, что под полом Михайловского монастыря и в земле возле него лежали те или иные предметы большой культурно-исторической и художественной ценности. Могли быть также обнаружены древние погребения.

В частности, нам приходилось слышать, что на Аскольдовой могиле под ротондальной часовней был обнаружен склеп. Свод был пробит, и в склепе была якобы найдена каменная гробница со скелетом. Трудно сказать, была ли это та гробница, которая приписывалась князю Аскольду, или какая-либо иная.

Что нашло НКВД на территории Михайловского монастыря, остается неизвестным. Киевские ученые - специалисты к раскопочным работам допущены не были. Только один раз археологу Н. были продемонстрированы образцы старинных монет. Нужно думать, что работники НКВД нуждались в справке от специалиста в отношении ценности найденных монет. В таковой они не чувствовали необходимости, если при раскопках были обнаружены драгоценности или золотые вещи. Но могли быть выкопаны предметы, лишенные ценности в глазах НКВД, которые, однако, были бы кладом для науки, например, плиты или их фрагменты с надписями или орнаментами. Ничего точного об этом неизвестно. По Киеву ходили слухи, что на территории Михайловского монастыря были обнаружены гробницы и церковные предметы; также поговаривали о находках при разрушении Ирининского памятника. Насколько эти слухи соответствовали действительности, сказать трудно.

Переходим к установлению ответственности за разрушение киевских памятников культуры в 1934-36 г.г. Главную вину несут высшие партийные сферы ВКП(б), от которых исходили проект перенесения столицы УССР из Харькова в Киев и идея реконструкции последнего. Установление момента персональной ответственности является делом будущего. Так или иначе, но главным виновником был Сталин: в силу существующих в Советском Союзе отношений подобное начинание или исходило от него лично, или получило его одобрение. Как ни велика ответственность за разрушение Михайловского монастыря, падающая на наркома Затонского, который не протестовал против сноса драгоценного памятника хотя бы для проформы,—все же он был только угодливым исполнителем предначертаний свыше.

За разрушение иных памятников культуры отвечает местная коммунистическая власть, детализировавшая на месте идею реконструкции Киева. Мы установили роль председателя Киевского Горсовета Рыжкова в ликвидации Ирининского памятника. Те или иные предложения исходили и от других высокопоставленных лиц. АПУ и инженерно-технический отдел Комхоза при Горсовете выступали в роли формального исполнителя этих предложений и проектов. Как игнорировалось то или иное проявление инициативы со стороны беспартийных специалистов из АПУ, мы имели случай показать при изложении судьбы Аскольдовой могилы и Ирининского памятника.

Среди руководящих лиц советской власти в Киеве тягчайшая ответственность за разгром киевской старины падает в первую очередь на П. Постышева.

Прибыв на Украину во время голода 1933 года со специальными полномочиями от Сталина, Постышев находился в зените своей славы. Эти полномочия и сделали его первой фигурой в советской Украине, его официальный пост второго секретаря ЦК КП(б)У был только проформой; С. Коссиор, руководитель коммунистической партии на Украине и первый секретарь ЦК, должен был отойти в тень и ступешаться. Все и вся льстило „лучшему из соратников Сталина“ и пресмыкалось перед ним. Наместнику не понравилась украинская форма его имени (Павло)—и киевские центральные газеты (выходившие на украинском языке) немедленно стали называть его не „Павло Петрович“ а „Павел Петрович“. У пионеров и школьников пошла в ход формула: сделать (что-нибудь) на четыре пе („чтобы Павел Петрович Постышев похвалил“). Вождь явно искал популярности: его канцелярия прославилась своим гостеприимством в отношении многочисленных частных просителей и просительниц а, как „друг детей“, он возвратил им елку, превратив ее из рождественской в новогоднюю.

А одновременно с этими идиллическими моментами из уступочного Красного Кремля на Украине то и дело раздавались призывы „уничтожать гвезда украинской контрреволюции“ и угрозы „выпекать каленым железом всякое проявление украинского национализма“. Проведением этих угроз в жизнь усиленно занимался наркомат Балицкого, и лета „постышевщины“ характеризуются продолжением массового террора в отношении кадров украинской интеллигенции, в частности, ученых и писателей.

Постышев принял деятельное участие в реконструкции Киева и чрезвычайно увлекся делом. В сопровождении Рыжкова он объезжал город в автомашине, осматривал его и лично давал указания, что надо сделать. Все его проекты выполнялись незамедлительно и раболопно. Постышев пожелал, чтобы Крещатик, имевший прекрасную мостовую из первосортного камня, был залит асфальтом—и работа на Крещатике кипела даже ночью, при свете фонарей, так как власти хотели угодить Постышеву и во что бы то ни стало закончить переделку к какому-то празднику.

Во время одной из таких поездок Постышев обратил внимание на стоявший в центре Подола и популярный среди коренного киевского населения фонтан «Самсон». Павильон над фигурой представлял собой прекрасное сооружение архитектора И. Григоровича-Барского, выполненное в смешаном стиле, знаменовавшем переход от рококо к классицизму. По проекту АПУ павильон и фонтан имелось в виду включить в парковый ансамбль Подола (мы уже имели случай говорить об этом парке) и использовать сооружение в качестве киоска для продажи сельтерской воды.

—«Что это за будка?»—спросил Постышев.

—«Какой-то киоск». —ответил Рыжков, «отец города».

—«Чтобы на завтра его не было!» —распорядился Постышев.

В Киеве циркулировал и другой вариант реплики всемогущего Павла Петровича: «уберите эту дрянь!»

Ночью павильон был взорван, а старинная статуя, изображавшая Самсона со львом, была перевезена в лаврский Музейный Городок и помещена в бывшей Трапезной перкви.

Мы не можем ручаться, что приведенный диалог между Постышевым и Рыжковым совершенно соответствует действительности, но — *se non e vero, e ben trovato*, и часто вымысел является более типичным, чем подлинный факт.

В разгроме исторических и культурных памятников Киева в 1934-36 г.г. еще раз нашли свое выражение общеизвестные черты психоидеологии большевизма: ее атрадиционализм и плоский, вульгарный антипассеизм. Именно благодаря большевизму стала очевидной истина, что понятие культуры и культурности несовместимо с отсутствием пассаизма. Ненависть большевиков, их антипатия или в лучшем случае равнодушие ко всему, созданному не ими, исключали или подавляли момент эстетической оценки — в тех случаях, если таковой имел место.

Это мировоззрение было в равной мере присуще русским и украинским большевикам — Постышеву, Затонскому, Рыжкову и другим. Надо думать, что в разгроме киевских памятников играла несомненную роль также и ненависть большевиков к национальному комплексу, глубоко традиционалистическому по своему существу, в том числе и к украинскому национальному комплексу. Во всяком случае идея создания нового партийно-правительственного центра в старой, княжеских времен части города возбуждает недоумение и подозрение. Реконструкторы Киева и вдохновители плана знали, конечно, о факте роста больших городов и не могли не учитывать, что через некоторое время новый центр оказался бы тесен и неудобен. Очень подходящее место для создания правительственного городка представляла собой хотя бы огромная незастроенная площадь за Печерском по направлению к Александровской больнице.

В заключение скажем, что во время так называемой ежовщины (волна террора в 1937-38 г.г.) и Балицкий, и Затонский, и Постышев (который подвергся опале и был удален из Украины с понижением в должности) — все они были арестованы и уничтожены.

Николаевский Собор на Печерске.

*Сооружен в 1690 - 96 г.г. archit. И. Старцевым на средства
гетмана И. Мазепы; разрушен в 1934 году.*

St. Nicolas Cathedral at Petchersk

Михайловский (Димитриевский) Златоверхий монастырь.

*Созружен в 1060-х годах, восстановлен и отреставрирован в XVIII ст.;
разрушен в 1934-35 гг.*

Holy Archangel Michael Monastery of golden Cupolas

Михайловский (Дмитриевский) Златоверхий монастырь.

*Сооружен в 1060-х годах, восстановлен и отрестроен в XVIII ст.;
разрушен в 1934-35 гг.*

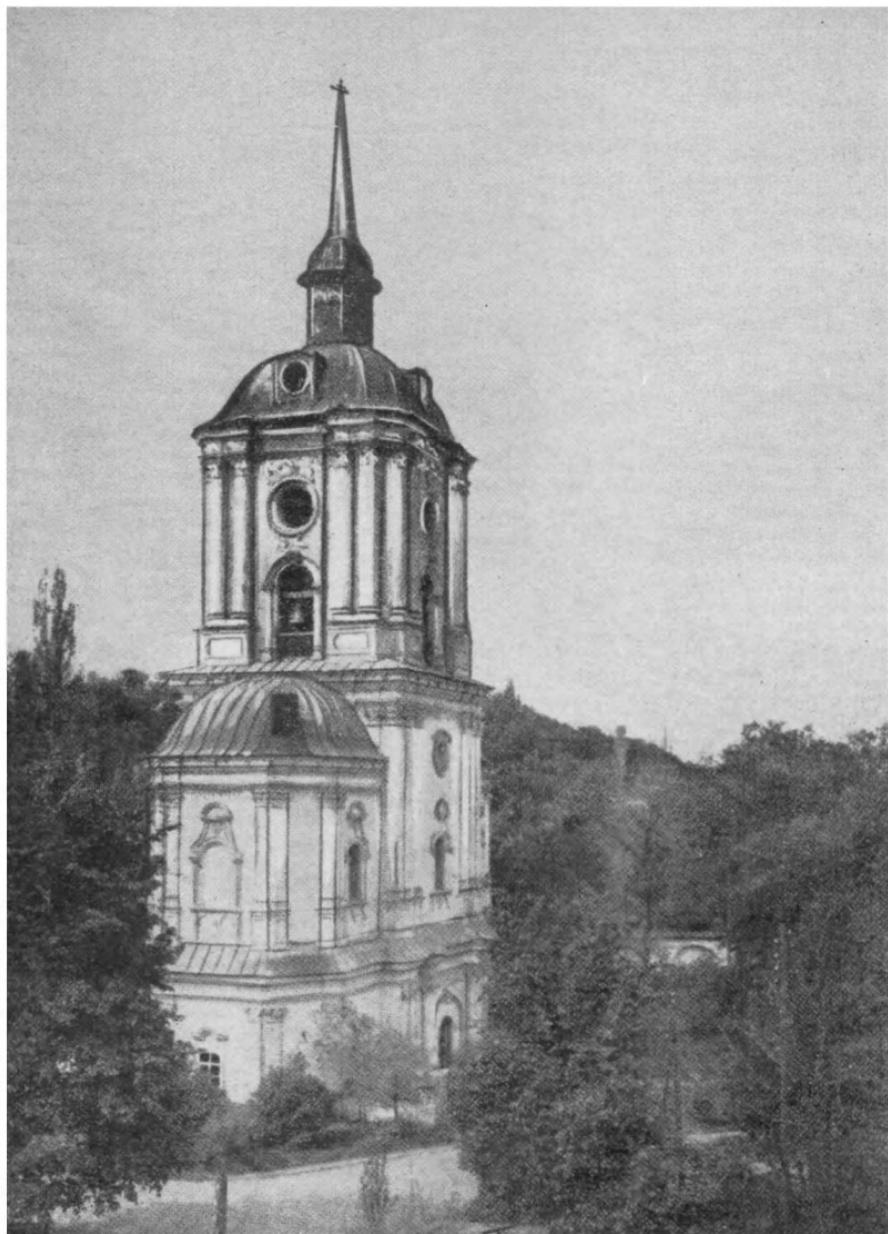
Holy Archangel Michael Monastery of golden Cupolas

Успенская церковь Киево-Печерской Лавры.

Построена в 1073-89 г.г., перестроена в XVIII ст. в стиле украинского барокко; взорвана в 1941 году.

The Church of the Assumption of the Holy Virgin at the Kiev-Petchersk Cloister

Колокольня Кирилловского монастыря.

Сооружена в 1760 г. archit. И. Григоровичем-Барским; разрушена в 1937 году.

Bell-tower of the St. Cyril Monastery

Церковь Рождества Христова.

Сооружена в 1810-14 гг. архит. А. Меленским, разрушена в 1934 году.

Christi Nativity Church

Summary

The destruction of cultural and art memorials in Kiev in the years 1934-36

In 1934—1936 a great number of cultural and art memorials of Kiev were demolished or destroyed by the Bolsheviks; these acts of vandalism were committed in connection with the transfer of the Ukrainian-SSR's capital from Kharkov to Kiev and its reconstruction pursuant to plans devised by the highest party-governmental circles in Moscow.

Of the nine temples dating from the reign of the grand-dukes of Kiev, three were destroyed during that period: the St. Archangel Michael (Michailovsky, Dimitrievsky) monastery (XIth century), the Church of the Three Saints (Trekhsviatitelsky) (XIIth century) at the Yaroslav yard and the Cathedral of Assumption of the Holy Virgin (Uspensky) in the Podol (XIIth century). On the square occupied by the St. Archangel Michael monastery and the Church of the Three Saints, it was planned to erect buildings for the Central Committee of the Communist Party of Ukrainian Bolsheviks and the Council of the People's Commissars of Ukrainian-SSR. Protests from archaeologists and art experts directed against the destruction of the St. Archangel Michael monastery were of no avail and the principal defender of the sanctuary — the Ukrainian archaeologist Prof. M. Makarenko was arrested and deported. With the exception of antique mosaics and frescoes, nothing could be saved from this monument of profound historical and cultural importance for the whole of Europe.

Among a number of temples of the Ukrainian baroque style, the St. Nicholas (Nikolaevsky) Cathedral at Pechersk and the Cathedral of the Holy Baptism (Bogoyavlensky) at the Bratsky monastery at Podol, which had been erected from funds provided by the Hetman J. Mazepa, were destroyed. The Nikolaevsky Slupsky monastery at Pechersk and the Church of St. Peter and Paul (Petro-Pavlovsky) in the Podol, which — prior to the victories gained by the Hetman B. Khmelnytsky — were a Polish Dominican cloister — were wiped out as well.

The number of churches of later and recent dates destroyed in Kiev in the years 1934—1936 is considerable.

During the same period three ancient cemeteries of Kiev — venerable witnesses of its cultural traditions — were obliterated: Askold's grave, the Stzechavitzky cemetery and the cemetery belonging to the Frolow monastery. After the wrecking of the chapels and the vaults Askold's burial place — according to plans — was transformed into a "park of culture and recreation".

With the intention of obtaining valuables from the grounds on which Askold's grave, the Stzechavitzky cemetery and the St. Archangel Michael monastery were situated, excavation works were undertaken by members of the NKWD. No scientific experts were invited to participate in these excavations and nothing is publicly known as to the resulting finds and discoveries.

Zusammenfassung

Die Zerstörung der Kultur- und Kunstdenkmäler in Kiew in den Jahren 1934-36

Infolge der Verlegung der Hauptstadt der Ukrainischen SSR aus Char-kow nach Kiew und der in den obersten Partei- und Regierungskreisen festgelegten Umplanierung von Kiew, wurden von den Bolschewiken in den Jahren 1934—36 zahlreiche Kultur- und Kunstdenkmäler in Kiew abgetragen und zerstört.

Von den in Kiew vorhandenen neun Tempeln aus der Großfürstenzeit wurden in diesen Jahren nachfolgende drei zerstört: das St.-Michael-Michajlowsky-(Demetrius-)Kloster (XI. Jahrhundert), die Dreiheiligen-(Trechswiatitelsky-)Kirche (XII. Jahrhundert) am Jaroslawler Hof und die Maria-Himmelfahrt-(Uspensky-)Kathedrale am Podol (XII. Jahrhundert). Auf dem von dem Michajlowsky-Kloster und der Dreiheiligen-Kirche eingenommenen Platz war der Bau von Gebäuden für das Zentralkomitee der kommunistischen Partei der Bolschewiken der Ukraine und für den Rat der Volkskommissare der Ukrainischen SSR projektiert.

Die Proteste der Archäologen und Kunstforscher gegen das Abtragen des Michajlowsky-(Demetrius-)Kloster blieben ohne Erfolg, der Hauptverteidiger des Heiligtums — der ukrainische Archäologe Professor M. Makarenko — wurde festgenommen und verbannt. Vor der Zerstörung gelang es lediglich die alten Mosaiken und Fresken zu retten, die sich in diesem historisch-kulturellen Denkmal von europäischer Bedeutung befanden.

Von einigen Kirchen im Stil des ukrainischen Barock wurden zerstört: die St.-Nikolaus-(Nikolajewsky-)Kathedrale am Petschersk und die Heilig-Taufe-(Bogojawlensky-)Kathedrale des Bratsky-(Bruder-)Klosters am Podol, die mit den Mitteln des Hetman I. Mazepa erbaut waren. Vernichtet wurde auch das Nikolajewsky-Slupsky-Kloster am Petschersk und die Peter-Paul-Kirche am Podol, die bis zu den Siegen des Hetman B. Chmelnyzky als polnische Dominikanerkirche diente.

Riesig groß war die Zahl der späteren und neueren Kirchen, die in Kiew in den Jahren 1934—36 zerstört wurden.

Zu der gleichen Zeit wurden u. a. drei alte Kiewer Friedhöfe — seine kulturellen Naturschutzgebiete — beseitigt: das Grabmal von Askold, der Stschekawitzky und der Friedhof des Frolow-Klosters. Nach der Demolierung von Denkmälern, Kapellen und Gruften wurde das Denkmal von Askold, entsprechend den Plänen, in einen „Park für Kultur und Erholung“ verwandelt.

Zwecks Aushebung von Wertgegenständen aus der Erde wurden auf dem Gebiet des Grabmals von Askold, des Stschekawitzky-Friedhofes und des Michajlowsky-(Demetrius-)Klosters seitens des NKWD Ausgrabungen durchgeführt. Es wurden keine wissenschaftlichen Kräfte zu diesen Ausgrabungen herangezogen. Darüber, was als Ergebnis der Ausgrabungen gefunden und ermittelt wurde, ist nichts bekannt.

Résumé

La destruction de monuments culturels et historiques à Kiev en 1934-36

A la suite du transfert de la capitale de la République Ukrainienne Socialiste Soviétique (R.U.S.S.) de Kharkov a Kiev en 1934—1936, et de la reconstruction de Kiev décidée a Moscou par les sphères dirigeantes du Parti, les bolcheviques ont détruit de nombreux monuments culturels et historiques.

Des neuf temples de l'époque des Grands-Ducs qui subsistaient encore à Kiev, trois ont été détruits en ces années: le monastère de l'Archange St. Michel (Michaïlovsky, Dimitrievsky) (XI siècle), l'Eglise des Trois Saints (Trekhsviatitelsky) à la cour de Jaroslav (XII siècle) et la cathédrale de l'Assomption de la Vierge du Podol (Ouspensky) (XII siècle). Sur la place occupée par le monastère de l'Archange St. Michel et de l'Eglise des Trois Saints il fut projeté de construire les Bâtiments du Comité Central du Parti communiste des bolcheviques de l'Ukraine et du Conseil des Commissaires du Peuple de la R.U.S.S.

Les protestations des archéologues et des historiens de l'art contre la démolition du monastère de l'Archange St. Michel n'eurent aucun résultat; quant au défenseur principal de cette relique, l'archéologue ukrainien Prof. M. Makarenko, il fut arrêté et déporté. Il n'a été possible de sauver de la destruction que les anciennes mosaïques et fresques qui se trouvaient dans ce monument historique et culturel, d'importance Européenne.

Parmi plusieurs temples du baroque ukrainien, la cathédrale de St. Nicolas (Nikolaevsky) a Petchersk et la cathédrale du Saint Baptême du monastère Fraternel (Bratsky) du Podol, toutes deux construites grâce aux ressources du Hetman J. Mazepa, ont été détruites ainsi que le monastère Nikolaevski — Sloupsky à Petchersk et l'église de Saint Pierre et Paul (Petropavlovsky) du Podol, qui avant les conquêtes du Hetman B. Chmelnitzky a été une église catholique des dominicains polonais.

Le nombre d'églises plus récentes et nouvelles détruites à Kiev en 1934—1936 est considérable.

A cette même époque parmi le nombre de monuments historiques et culturels détruits — furent anéantis trois cimetières anciens de Kiev, ses monuments culturels naturels: le Tombeau d'Askold, le cimetière du monastère de Frolov et le cimetière de Czekavitz. Après la destruction des monuments, des chapelles et des cryptes, le Tombeau d'Askold fut transformé, conformément aux projets, en un „Parc de Culture et de Repos“.

Dans l'intention de récupérer les objets précieux se trouvant dans les terrains du Tombeau d'Askold, du cimetière de Czekavitz et du monastère de l'Archange St. Michel, les organes de la NKVD entreprirent des fouilles, auxquelles ni savants, ni archéologues ne furent admis à coopérer. Le résultat de ces fouilles est resté inconnu.